

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Серебрякова Елена Геннадьевна

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВЕТСКИХ НОНКОНФОРМИСТОВ
1960-70-х ГОДОВ**

24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Екатеринбург – 2021

Работа выполнена на кафедре истории философии и культуры факультета философии и психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский государственный университет»

Научный консультант:

Зверева Галина Ивановна,
доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Российский государственный гуманитарный
университет», декан факультета культурологии

Официальные оппоненты:

Зыкова Галина Владимировна,
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», профессор кафедры
истории новейшей русской литературы и
современного литературного процесса

Круглова Татьяна Анатольевна,
доктор философских наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
профессор кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики и
теории культуры

Тищенко Наталья Викторовна,
доктор культурологии, доцент, ФГБОУ ВО
«Саратовский государственный технический
университет имени Гагарина Ю.А.», заведующий
кафедрой философии, социологии, психологии

Защита состоится «21» сентября 2021 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 24.01.13 по адресу 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов (к. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=2286>.

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор социологических наук, профессор

Л. С. Лихачева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования советского нонконформизма 1960-70-х годов обусловлена необходимостью уточнить семантику культурного феномена нонконформизма, утратившего однозначные ценностные основания в условиях аксиологического многообразия современной культуры; возможностью, проанализировав модель поведения советских нонконформистов, осмыслить универсальные законы идентификационных процессов, определяющих индивидуальный или коллективный выбор личности или сообщества в пользу социальной ответственности; потребностью учитывать советский опыт взаимодействия власти и общества для прогноза перспектив и возможных рисков социокультурного развития современности.

Степень научной разработанности темы

Феномен советского нонконформизма привлек внимание зарубежных исследователей раньше отечественных коллег, в 1960-70-е годы. Парадигму исследований задавали преимущественно политологи и советологи¹. Работы представителей «тоталитарной школы» (Х. Арендт, З. Бжезинского, Б. Вольфа и др.) базировались на утверждении, что в тоталитарных режимах каждый человек, будучи морально независимой личностью, угнетен властью. «Истинная» природа человека реализуется в нонконформистском поведении, бунте против государственного давления.

Представители ревизионистской школы (С. Коэн, Ш. Фитцпатрик, Дж. А. Гетти, Л. Виола и др.) разрушили представление о советском человеке как жертве режима. По мнению ученых, личность в тоталитарном государстве сохраняет автономность и самостоятельно избирает стратегию социализации: например, «двоемыслие» в официальной и частной сферах позволяло советскому человеку адаптироваться к политическому режиму². Хронологические рамки, выбранные исследователями – 1930-е годы, исключали научный анализ нонконформизма как

---

¹ Brumberg A. In quest of justice: protest and dissent in the Soviet Union today. New York: Praeger, 1970. 477 p.; Gauer R. C. Soviet dissent: its sources and significance. // Air University Review. 1973. Vol. 25, Is. 1. P. 45-48; Haynes V. Workers against the Gulag: the new opposition in the Soviet Union. London: Pluto Press, 1979. 129 p.; Jones L. Dissent in Ukraine: an underground journal from Soviet Ukraine. Baltimore: Smoloskyp Publishers, 1977. 215 p.; Reddaway P. The Development of Dissent and Opposition // The Soviet Union since the Fall of Khrushchev / ed. M. Kaser, A. Brown. London: Palgrave Macmillan, 1978. P. 121-156; Tökés R. L. Dissent: The Politics for Change in the USSR // Soviet politics and society in the 1970's / ed. H. W. Morton, R. L. Tökés and J. N. Hazard. New York: The Free Press, 1974. P. 3-59; Wessell N. H. The political and international implications of soviet dissent // Orbis. 1973. Vol. 17, Is. 3. P. 793-802.

² Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s New York, Oxford: O Oxford University Press, 1999. 276 p.

общественного явления. Но некоторые наблюдения ученых имели методологическое значение³: анализ дискурсивных практик выступал средством реконструкции самосознания определенной группы населения.

Изучение неконформизма в нашей стране началось со второй половины 1980-90-х годов. Открытие архивных материалов, издание эго-текстов участников диссидентского движения дали обширный эмпирический материал для исследований. В историографии появился ряд основательных трудов, подробно осветивших характер противостояния инакомыслящей интеллигенции и власти (Л. М. Алексеева, А. Б. Безбородов, А. А. Данилов, Ю. Ф. Лукин и др.)⁴. Однако научный дискурс тех лет представлял собой парафраз советской историографии революционного движения в России, что проявилось в недостаточном критицизме при анализе специфики диссидентского дискурса, способов интерпретации политической истории страны и типов самооценок членов сообщества. Исходная позиция суживала исследовательские задачи, определяла тенденциозность научных выводов.

Преодолев «диссидентоцентризм» 1990-х годов, научное сознание сформировало глубокое понимание эпохи 1960-70-х годов как общественно-исторического явления: выявлены механизмы взаимодействия руководства страны и общества, осмыслена логика функционирования политической цензуры, прослежено становление неконформизма как общественного феномена, охарактеризованы взаимоотношения интеллигенции и власти, дана классификация движения протеста, указаны мировоззренческие основания различных оппозиционных течений⁵.

---

³ Всемогущий Сталин. Советолог Арч Гетти о личности вождя и историческом ревизионизме // Lenta. ru. 2016. 17 января. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/01/17/stalin/2016> (дата обращения 19.07.2019)

⁴ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. М. : РИЦ «Зацепя». 2001. 382 с.; Безбородов А. Б. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х-80-х годов: учебное пособие для студентов по курсу отечественной истории новейшего времени. Москва: Историко-архивный институт; Göttingen: Max-Planck-Institut für Geschichte, 1984. 151 с.; Данилов А. А. История инакомыслия в России: советский период. 1917-1991: учебное пособие. Уфа : Изд-во Восточный университет, 1995. 102 с.; Лукин Ю. Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20-80-е гг.). М. : Изд-во МГУ, 1992. 203 с.

⁵ Аксютин Ю.В. Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М. : РОССПЭН; Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2010. 622 с.; Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991. СПб. : Академический проект, 2005. 296 с.; Ванюков Д. А. Хрущевская оттепель. М. : Мир книги, 2007. 239 с.; Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 407 с.; Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-60-е годы. Москва: Диалог-МГУ, 1999. 398 с.; Королёва Л. А., Королёв А. А. Диссидентство в СССР: историко-правовые аспекты (1950-1980-е гг.): учебное пособие. М. : ИНФРА-М, 2017. 276 с.; Митрохин Н. А. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М.

При этом гуманитарии продолжают искать новые парадигмы исследований. Одно из них – изучение культурно-антропологического типа «советского человека», его способов самооценок, социальных и культурных практик, поведенческих реакций, вариантов нарратива. Это направление разрабатывается как зарубежными, так и отечественными гуманитариями.

В новейшей западной историографии реализуется концепция «советской субъективности» (Й. Хелльбек, И. Халфин, Дж. Фюст и др.) Субъективность трактуется Й. Хелльбеком как способность личности «мыслить и действовать, вытекающая из согласованного и целостного ощущения себя»⁶. Ее предложено анализировать через языковые практики власти, по мнению историков массово усвоенные советскими людьми и определившие их способы самооценок и созидания собственной личности. Отечественные исследователи «советской субъективности» О. В. Хархордин⁷ и А. В. Юрчак⁸ используют методологию западных коллег: изучают дискурсивные практики власти и их влияние на формирование личности.

Исследователи «советской субъективности» не искали возможной ориентации советского человека на иные, помимо официальных, дискурсивные практики и культурные традиции, вероятно считая оппозиционный способ самоидентификации непоказательным для выявления типологии сознания. Непрояснённая культурных альтернатив «советскости» предполагает дополнительные исследования, в частности, требует выявления специфики самосознания и поведенческих практик неконформистов.

Изменение научного дискурса в культурологии последних лет – от академических исследований к прикладным – выразилось в смещении приоритетов: ученые, стремясь осмыслить будничную реальность, создававшую не только фон, но и культурную среду, обратились к изучению повседневно-бытовых практик советских людей⁹. Однако при таком подходе можно реконструировать преимущественно адаптивную модель поведения. Неконформизм как социокультурный феномен, по сути, выводится из научной рефлексии, поскольку непоказателен для характеристики повседневного образа жизни советских людей. Например, самиздат, входивший в культурную практику части советских граждан, массово

: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.; Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 734 с.

⁶ Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review. July 2001. P. 340

⁷ Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1999. 407 p.

⁸ Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. 664 с.

⁹ Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущёвского десятилетия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 339 с.; Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля. СПб. : Книга : Победа, 2015. 484 с.

востребован не был. Кроме того, идентичность «частный человек», которая, на наш взгляд, реконструируется в работах, посвященных повседневной культуре, не показательна для нонконформистов, ориентировавшихся на социальное действие и производивших самоидентификацию, как будет показано ниже, в иных категориях.

Необходимость произвести корректировку сложившихся научных подходов к феномену советского нонконформизма, потребность выявить типологию и уникальность индивидуально-личной и коллективной идентичности нонконформистов стимулирует продолжение исследований данной темы.

Постановка проблемы социокультурной идентичности советских нонконформистов в диссертационном исследовании связана с необходимостью осмыслить идентичность «шестидесятников» и на примере этого поколения представить динамику самосознания к диссидентству – радикальному варианту нонконформизма.

Мы исходим из представления о нонконформизме как мировоззренческой позиции и нравственной ценности «шестидесятников», осмысленной ими в 1960-70-е годы в традиционных для российской интеллигенции категориях «инакомыслие», «свободомыслие» и «духовная свобода». Из направлений советского диссидентства наиболее показательным для выявления типологии идентичности видится нам правозащитное движение. В этой среде наиболее мобильно вырабатывались новые стратегии гражданского поведения и способы самовыражения всего сообщества, определялись парадигмы движения диссидентской мысли. Соответственно, анализ именно правозащитного самосознания положен в основу нашего исследования.

Период 1960-70-х годов выбран в качестве хронологических рамок работы по нескольким причинам. В эти годы:

- нонконформизм как модель группового и индивидуального поведения активно проявил себя в разных странах и определил в них дальнейшие социокультурные трансформации;
- в Советском Союзе сформировалось поколение «шестидесятников»;
- советский нонконформизм приобрел характер социокультурного феномена;
- в СССР возникло и структурировалось диссидентское движение;

Объектом исследования является советский нонконформизм 1960-70-х годов как социально-культурный феномен.

Предмет исследования составляет социокультурная идентичность советских нонконформистов 1960-70-х годов, выявленная при анализе базовых ценностно-мировоззренческих оснований, поведенческих моделей и дискурсивных практик.

Цель диссертационного исследования состоит в анализе социально-культурной идентичности советских нонконформистов 1960-70-х годов как типа индивидуального и группового самоопределения.

Она определила следующие исследовательские **задачи**:

- обнаружить аксиологические и мировоззренческие основания самоидентификации советских нонконформистов;
- выявить место этики в аксиологии сообщества;
- определить специфику исторического сознания и его роль в самоидентификации сообщества;
- проследить динамику самосознания – от «шестидесятничества» к диссидентству;
- осмыслить типологию социального поведения членов сообщества;
- проанализировать становление поведенческих образцов и трансформацию их в норму;
- охарактеризовать дискурсивные практики «шестидесятников» и специфику диссидентского дискурса как способа самопрезентации сообщества;
- представить авторскую стратегию в литературно-публицистических текстах диссидентов как элемент самопрезентации сообщества;
- оценить личную и коллективную идентичность на материале наиболее показательных в этом отношении жанров самиздата – автобиографии диссидента и отчета о суде над диссидентами.

Гипотеза исследования. Социокультурная идентичность является сложной многоуровневой системой. Анализ ее компонентов, специфики, типологии и форм реализации позволяет осмыслить феномен как целостное явление. Способы самоидентификации советских нонконформистов показательны при характеристике культурно-антропологического типа «советский человек» в его универсальных и вариативных свойствах. В самоидентификации нонконформистов происходили трансформации, отражавшие и во многом определявшие культурные процессы поздней советской и постсоветской поры.

Источниковедческой базой диссертационного исследования послужили материалы, позволяющие осмыслить характер идентичности нонконформистов в различных аспектах.

Официальные документы дают возможность реконструировать значимое звено в системе детерминант оппозиционной идентичности. Записки КГБ при Совете Министров СССР в ЦК КПСС, Отдела культуры ЦК КПСС, справки Государственного комитета по печати при Совете Министров СССР представляют позицию государства в отношении творческой и гуманитарной интеллигенции, идеологические запросы, определяющие тип управления культурой, реакцию на распространение нонконформистских настроений в среде художественной интеллигенции,

принципы взаимодействия творческих союзов и государственных структур, причины возникновения конфликтных ситуаций и способы их разрешения. Поведение нонконформистов в свете представленных документов получает дополнительное обоснование.

Восстановить культурную среду, питавшую оппозиционные настроения, и ощутить атмосферу внутри профессиональных сообществ, «зараженных» инакомыслием, позволяет анализ стенограмм партсобраний различных трудовых коллективов: московского Института русского языка АН СССР и различных институтов новосибирского Академгородка. Документы позволяют обнаружить в коллективной идентичности оппозиционеров отдаленных друг от друга регионов типологически общие свойства.

Позицию нонконформистов представляют тексты различных жанров: открытые письма, отчеты о судах над инакомыслящими, дневники, автобиографии, воспоминания, интервью, литературно-публицистические работы.

Тексты писем петиционных кампаний по «делам» И. А. Бродского, А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, «процессу четырех» показывают интенсивный поиск единомышленниками осужденных эффективных способов из защиты. Сопоставление документов позволяет осмыслить динамику коммуникативных техник и риторик посланий, трансформацию самоидентификации авторов.

В работе представлены отчеты инакомыслящих о самых резонансных судебных процессах над нонконформистами: запись суда над И. А. Бродским Ф. А. Вигдоровой, «Белая книга по делу Синявского и Даниэля» (составитель А. И. Гинзбург), «Процесс четырех» П. М. Литвинова, «"Полдень": Дело о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года» Н. Е. Горбаневской. Материалы судов значимы для выявления одного из показательных качеств идентичности нонконформистов – согласованности индивидуально-личностных и коллективных устремлений.

Наиболее представительный корпус источников – эго-тексты. Воспоминания, автобиографии и дневники литераторов (Н. А. Воронель, А. И. Кондратовича, З. Л. Копелева, В. Я. Лакшина, Н. Я. Мандельштам, Р. Д. Орловой, Г. Ц. Свирского, А. И. Солженицына, А. Т. Твардовского, К. И. Чуковского, Л. К. Чуковской, Е. Л. Шварца) раскрывают причины индивидуального выбора писателей в пользу нонконформистского или адаптивного профессионального и гражданского поведения.

В воспоминаниях философов и историков (А. Я. Гуревича, А. А. Зиновьева, А. М. Некрича, Г. С. Померанца, В. И. Толстых, В. Н. Садовского, Ю. А. Шрейдера, Дж. П. Скэнлана и др.) дана характеристика научной среды 1960-70-х годов, описаны попытки преодоления

идеологического диктата в гуманитарных науках, варианты сохранения советскими учеными исследовательской независимости и профессиональной ответственности.

Воспоминания и автобиографии Л. И. Богораз, В. К. Буковского, Н. Е. Горбаневской, П. Г. Григоренко, А. Т. Марченко, Ю. Ф. Орлова показательны для характеристики специфики диссидентского дискурса, типичных для сообщества способов интерпретации общественно-политических событий и фактов собственной биографии, выявления общности и различий коллективной идентичности «шестидесятников» и диссидентов.

Интервью начала XXI века с участниками диссидентского движения (Л. М. Алексеевой, Н. Е. Горбаневской, А. С. Есениным-Вольпиным, Ю. Ч. Кимом, С. А. Ковалёвым, И. П. Якир и др.) дают возможность сравнить типы нарративов – последних лет и 1970-х годов, делают наиболее очевидными приемы самопрезентации сообщества в советскую пору.

В совокупности использованная база источников дала возможность решить поставленные исследовательские задачи.

В работе с источниками используются методы семиотики, междисциплинарного, сравнительного, дискурсивного и семантического анализа, а также социокультурной интерпретации и понимания.

Теоретико-методологическую основу исследования составил комплекс гуманитарных трудов о нонконформизме как социокультурном феномене и модели поведения личности и теории идентичности, составленный из концептуальных подходов и методик социальной философии, этики, социологии, социальной психологии, антропологии, культурологии. Междисциплинарный и интегральный характер исследования объясняется спецификой изучаемого феномена и конкретными задачами данной работы.

В качестве базовых методологических операций в работе были использованы методы синхронного, диахронного и компаративного анализа, позволившие рассмотреть нонконформизм в статике и динамике, с учетом сложности и противоречивости феномена, сравнить семантику понятия «нонконформизм» в трактовке «шестидесятников» и диссидентов. Историко-логический метод применялся для анализа нонконформизма как сложного исторически развивающегося явления в его конкретном многообразии, особенных и единичных проявлениях и существенных закономерностях. Метод структурно-функционального анализа обеспечил возможность увидеть механизм становления нонконформистских воззрений, поведенческих моделей и речевых стереотипов «шестидесятников» и диссидентов в структуре общественного порядка. Метод феноменологического анализа позволил осмыслить нонконформизм в его сущностных характеристиках: смыслы и значения, формы, виды и типы проявления и функционирования. Метод моделирования использовался для построения модели

нонконформизма как типа социального поведения. Метод экспликации позволил раскрыть внутреннее содержание нонконформизма через многообразие явлений советской действительности, поведенческие и дискурсивные практики интеллигенции. Основные логические операции: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, сравнение и классификация – являлись фундаментом рационально-логического анализа социокультурной идентичности советских нонконформистов.

Культурологический характер исследования определил **арсенал терминологических средств**. «Советский культурно-антропологический тип» – многомерное понятие, включающее характеристику личности в ее отношении к марксистско-ленинской идеологии, патернализму власти в адрес общества и граждан, системе ценностей. Ценностная система советского человека была амбивалентна: в ней сочетались коллективизм и потребность в автономии, социальное равенство и стремление индивида к самореализации, патернализм и значимость личностной свободы, традиционализм и мобильность ценностных оснований. При этом типология советского человека не была единой, различия массового сознания и элитарного определяли разнообразие ценностных приоритетов, жизненных стратегий, моделей поведения, дискурсивных практик.

«Шестидесятники» – поколение советской интеллигенции, ориентированной на культурные традиции и систему ценностей европейской и демократической русской интеллигенции XIX века. Общая аксиология определяла схожий тип восприятия и объяснения событий отечественной истории XX века, формировала картину мира и человека, задавала модель коллективного поведения и типы нарратива.

В качестве синонима в работе используется понятие «либеральная советская интеллигенция», подразумевающее не политические ориентации «шестидесятников», а либеральную систему ценностей, провозглашающую необходимость паритетных отношений власти и общества, автономию личности от диктата государства, социальную ответственность и потребность общественного служения, активную гражданскую позицию в отношении политических свобод и других демократических целей, право человека на самовыражение¹⁰.

«Нонконформизм» – понятие, включающее в себя аксиологическую семантику, характеристику общественно-политической позиции и типа социального поведения личности или сообщества. Концепт имеет протестное содержание, базовые категории – оппозиционность властному дискурсу, неприятие официальной системы норм, ценностей и поведенческих практик, декларация альтернативных парадигм культурного развития.

---

¹⁰ Тищенко Н. В. Либеральный дискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4 (24-25). С. 286-291.

В зависимости от сферы применения общий концепт получает дополнительные коннотации. В социально-политическом значении «нонконформизм» означает неприятие личностью или сообществом официальной идеологии и дискурса власти, что чревато оппозиционностью и социальным протестом. Художественный нонконформизм («неофициальное», «запрещенное», «андеграундное», «подпольное», «другое», «второе» искусство) трактуется¹¹ как оппозиционность господствующему эстетическому канону, декларация художником свободы творчества. В повседневно-бытовой культуре нонконформизм проявляется в нарушении человеком преобладающих стандартов в образе жизни, поведении или одежде.

В аксиологическом плане в единое семантическое поле входят понятия «инакомыслие», «свободомыслие», «вольномыслие», «духовная свобода», указывающие ценностную ориентацию личности, не зависящую от профессиональной принадлежности, но способной стать основой объединения в сообщества и группировки.

Нонконформистский тип личности – характеристика человека, производящего самоидентификацию с опорой на ценности интеллектуальной, нравственной и творческой свободы, самостоятельный выбор ценностно-нормативных ориентиров, независимость от социального давления, критическое отношение к власти, активную гражданскую позицию, осмысленные как фундамент личностной целостности.

Нонконформизм как тип социального поведения предполагает готовность индивида или сообщества отстаивать позицию, оппозиционную официальной, реализуется в гражданском сопротивлении репрессивным институтам и поиске социально-политических альтернатив. Таким образом, феномен нонконформизма является одним из механизмов социокультурного обновления.

Нонконформизм как социокультурный феномен динамичен и мобилен. В соответствии с социально-политическим и культурным контекстом в его структуре происходят внутренние трансформации, смена семантических доминант или их деформация. Например, протест, как основное содержание концепта, может иметь широкий спектр реализации и в зависимости от

---

¹¹ Андреева Е.Ю. Угол несоответствия. Школы нонконформизма. Москва - Ленинград 1946 - 1991. М.: Искусство - XXI век, 2012. 382 с.; Герчук Ю. Я. «Кровоизлияние в МОСХ», или Хрущев в Манеже : [очерки визуальности]. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 327 с.; Круглова Т. А. Соблазны соцреализма, попытки «зависти», упоение причастностью: о советском художественном конформизме // Неприкосновенный запас, 2014. № 4. С. 174-188; Скиперских А. В. Право на бунт в культурной традиции: европейский и русский контекст. М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2016. 266 с.; Соколов Г. А. Ранний период неофициального искусства: ленинградский контекст // Новое искусствознание. 2019. №1. С. 90-94.

социокультурной ситуации выражаться в бунтарском поведении или самоизоляции от общественной практики – эскапизме, внутренней эмиграции, девиантном поведении и прочее.

Поле проявления неконформистских настроений в 1960-70-е годы было весьма широким, а формы разнообразными, что позволяет применять категорию «неконформизм» к целому ряду явлений, феноменов, аксиологий и поведенческих практик. Считая семантическим ядром концепта его общественно-политическое значение, мы сосредоточились на исследовании именно этих форм неконформизма: мировоззренческих и аксиологических основаниях оппозиционной гражданской позиции, поведенческих моделях, реализованных в общественной и профессиональной деятельности «шестидесятников». Литературно-политические тексты осмыслены нами как инвариант оппозиционного общественного поведения.

Анализ концепта допускает различные модальности – изучение устойчивых признаков или динамичных свойств. В первом случае неконформизм трактуется как явление структурированное, во втором – как находящееся в процессе становления. Мы акцентируем процессуальность неконформизма, выявляемую при анализе динамики ценностных оснований, поведенческих моделей и дискурсивных практик «шестидесятников». Такой подход видится нам продуктивным, поскольку выявляет градацию вариантов неконформистского поведения, обнаруживает широкий спектр проявлений оппозиционности – от внешне лояльного поведения при скрытой оппозиционности до открытого сопротивления государственным институтам.

«Диссиденты» – наиболее динамичная и мобильная часть сообщества неконформистов, перешедшая к активному публичному противодействию власти. Конечная цель – перестроить характер отношений государства и общества – проявлялась в обязательных качествах социального поведения: публичность, гласность, общественный резонанс протестных акций внутри страны и за рубежом, герметизация собственного информационного пространства – самиздата, радикализм в способах проявления неконформизма, высокая степень негативизма в отношении действующей в СССР системы управления страной и модели взаимоотношений государства и общества.

«Контркультура» – культура, оппозиционная доминирующей, в нашем случае – официальной советской. Ядро доминирующей культуры и ядро контркультуры составляют ценностно-нормативную оппозицию. Противостояние напрямую связано с ситуацией кризиса ценностно-нормативной системы общества. В начале возникновения контркультура стремится обособиться и вести самостоятельное существование (тексты, не опубликованные по цензурным соображениям, циркулируют в самиздате), по мере структурирования претендует на

доминирование. Нонконформизм создает контркультуру и проходит дальнейшее формирование в ее пространстве.

Термин «социокультурная идентичность» соединяет культурную самоидентичность, то есть совокупность устойчивых черт (мировоззренческие основания, аксиология, картина мира и человека), позволяющих личности или группе отличать себя от представителей других социальных групп (в частности нонконформистам отделять себя от конформистов), и процесс культурного самоопределения через соотношение себя с нормами, ценностями, традициями, образцами поведения и формами выражения определенной социальной группы.

«Поведенческая стратегия» – социальная и писательская. «Социальная стратегия»: речь идет о программе гражданских акций, направленных на изменение характера взаимоотношений граждан и власти, реализованной «шестидесятниками» и диссидентами. «Писательская стратегия» подразумевает действия автора, предполагающие «присвоение и перераспределение ценностей в поле литературы»¹², оценку текста читателями как ценного высказывания о времени и человеке. Цели литературно-публицистического творчества диссидентов выходили за границы эстетики и были направлены на решение конкретных социально-политических задач. Поэтика была элементом писательского поведения, входила в авторскую стратегию. Использование данного инструментария позволяет прочесть тексты самиздата адекватно тому социально-политическому эффекту, на который рассчитывали авторы в момент их создания.

Кроме того, значимыми выступают понятия «нарратив» – организация, тип повествования и «нонконформистский/диссидентский дискурс» – легитимированные в сообществе принципы организации системы речи, в соответствии с которыми происходит классификация и репрезентация событий, явлений и людей. Исследование текста с учетом данных характеристик позволит сделать необходимые для данной работы выводы функционально-смыслового характера.

Научная новизна исследования. В диссертации проводится социально-культурный анализ советского нонконформизма, что находит воплощение в совокупности результатов, отличающихся новизной:

– предложен новый способ трактовки концепта «нонконформизм»: выявление сущности феномена через динамику ценностных доминант, поведенческих и дискурсивных практик, позволяющий уточнить семантику понятия и осмыслить явление как меняющееся, способное к трансформациям;

---

¹² Берг М. Ю. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 352 с.

– феномен советского нонконформизма осмыслен как целостное социокультурное явление в совокупности мировоззренческих оснований, аксиологии, социального поведения и дискурсивных практик членов сообщества;

– трактовка концепта «нонконформизм» дополнена характеристикой механизмов трансформации феномена;

– в структуре коллективной идентичности выявлены базовые ценностно-мировоззренческие компоненты, определяющие специфику самосознания, социального поведения и дискурсивных практик;

– охарактеризована роль этики в формировании идентичности нонконформистов на индивидуально-личностном и групповом уровнях, представлена трансформации этической позиции нонконформистов, повлиявшая на индивидуально-личную и коллективную самоидентификацию;

– обнаружена динамика исторического сознания «шестидесятников», определившая трансформацию коллективной идентичности от нонконформизма к диссидентству;

– в структуре идентичности «шестидесятников» и диссидентов выявлен «советский» компонент самосознания как культурно-антропологическая модель коллективной идентичности,

– раскрыта логика конструирования индивидуально-личной и групповой идентичности через соотношение себя с культурными образцами, признанными сообществом этически ценными, исторически действенными и социально эффективными;

– представлена трансформация поведенческого образца в норму, его корректировка в процессе коллективного освоения и тиражирования;

– литературно-публицистическая деятельность нонконформистов осмыслена как инвариант общественно-политической практики, наряду с другими формами: демонстрациями, созданием специальных общественных комитетов и проч.;

– литературно-публицистическая деятельность диссидентов представлена как способ коллективной самопрезентации с типичными для сообщества приемами самооценки, коммуникативными практиками и авторскими стратегиями;

– выявлена полифункциональность литературно-публицистической деятельности, объясняющая специфику нонконформистского дискурса, типов нарратива, авторских стратегий и способов самоидентификации;

– осмыслен кризис идентичности диссидентов как результат процесса отчуждения, захватившего все сферы самосознания, определившего трансформацию социальных моделей поведения, смену адресата коммуникации, герметизацию сообщества и истощение тезауруса.

На защиту выносятся следующие положения:

– Нонконформизм как социокультурный феномен имеет базовые и вариативные свойства. Конституирующий признак – протестное содержание. Вариативные показатели (степень оппозиционности, уровень социальной мобильности, открытость или герметичность сообщества, своеобразие дискурсивных практик, наличие собственного информационного поля и контркультурных институций) – наиболее динамичный компонент в структуре концепта. Специфика конкретного типа нонконформизма выявляется при анализе всех его свойств, осмысленных в процессе трансформаций;

– аксиология советской интеллигенции 1960-70-х годов синтезировала универсальные ценности классической культуры (антропоцентризм, гуманизм, общечеловеческую мораль) и «советский» компонент (марксистскую философию и идеологию в качестве мировоззренческой основы). Официальная идеология не разрушала базисных оснований классической модели мира и человека: идеалом выступала целостная гармоническая личность, самоидентификация производилась с ориентацией на поведенческие образцы классической культуры и литературы, гражданское поведение строилось с учетом общечеловеческих нравственных принципов, ответственности перед историей, страной, народом. Идентичность нонконформистов формировалась на традициях свободолобия и интеллектуально-нравственной независимости, воспринятых у культуры Нового времени;

– в структуре идентичности нонконформистов этика и историческое самосознание выступали в качестве базовых ценностно-мировоззренческих компонентов. Производя самоосмысление в парадигме «я» как нравственная единица и «я» как исторический субъект, нонконформисты идентифицировали себя как общественных деятелей, ответственных за судьбу страны и народа, восстанавливающих гуманистическую природу социализма;

– самоидентификация нонконформистского сообщества корректировалась в процессе коммуникации с властью. Рассчитывая в начале «оттепели» на возможность паритетных отношений с руководством страны, нонконформисты осмысливали себя выразителями общественного мнения, способствующими демократизации, либерализации, возвращению социализму его гуманистической сущности. Оппозиционность как главное свойство идентичности нарастала в связи с очевидным нежеланием руководства последовательно проводить реформы в стране. По мере усиления консервативных тенденций в общественной жизни и репрессий в адрес инакомыслящих, нонконформизм трансформировался в диссидентство, в коллективной идентичности возникло кризисное явление – отчуждение, захватившее все сферы самосознания (отношения с государством, страной, народом и проч.);

– идентичность нонконформистов уточнялась в процессе внутригрупповой коммуникации. На уровне бытовой морали и поведенческой практики действовала норма «порядочный человек», регулирующая правила поведения внутри сообщества и в социуме. Это свидетельствует о сохранности иерархии нравственных ценностей в коллективном самосознании. Однако отчуждение от государства повлекло изменения в аксиологии диссидентского сообщества: этика из базовой ценности сместилась в инструментальную, в социальной практике наряду с ориентацией на общечеловеческие моральные принципы возникли прагматизм, утилитаризм, нигилизм;

– идентичность нонконформистов оформлялась, рационализировалась и утверждалась в социальном поведении. Поведенческие образцы проходили селекцию: модели, осмысленные как нравственно ценные, исторически значимые и социально эффективные, легитимировались сообществом, тиражировались и приобретали статус нормы. Нормативное поведение закреплялось в сознании членов сообщества, продолжало внедряться в социальную практику и систему внутригрупповой коммуникации, определяло основные формы деятельности и взаимодействия нонконформистов;

– по мере обострения конфронтации с властью исходные поведенческие образцы претерпевали трансформацию, однако идентичность нонконформистов сохраняла двойственность: «советский» компонент самосознания дополнялся сознательной ориентацией на культурные традиции Нового времени. В начале «оттепели» поведение инакомыслящих в целом оставалось в пределах советской нормативности, в социальной практике доминировала модель «защитник», соответствующая идентификации себя как субъекта диалога с государством и хранителя вневременных традиций европейской и русской интеллигенции – гуманизма, антропоцентризма, свободолюбия. Советский компонент самосознания не идентифицировался как инородный культурным традициям Нового времени. Однако главным свойством диссидентского выступления стала демонстративная оппозиционность советской власти, утвердились поведенческие модели, отражающие конфронтационную позицию: «правозащитник», «борец с режимом», «демократ западного типа» и проч. При этом, позиционируя себя как индивидуумов, равных истории, нацеленных на пересоздание действительности во имя исторического прогресса, диссиденты воспроизводили антропологические представления, типичные для советской системы координат. Принципы ненасилия, гласности, апелляции к закону, идентифицированные как оппозиционные, как и протестные формы активности, не разрушали советской идентичности. Диссидентскому варианту советской субъективности свойственна осознанная ориентация на инновацию и социальную мобильность, попытка конструирования идентичности по современному типу;

– литературно-публицистическая деятельность нонконформистов входила в социальную практику как ее инвариант наряду с другими формами самовыражения (демонстрациями, митингами, специальными комитетами и проч.). Самопрезентация автора согласовывалась с коллективной идентичностью: в начале «оттепели» нонконформисты позиционировали себя борцами за свободу творчества и расширение эстетических границ, диссиденты – выразителями протестных настроений. Этим объясняется специфика диссидентского дискурса: высокая степень идеологической заряженности, ограниченность тем, однозначность их трактовок, художественная неоднородность материалов, ориентация на узкий круг читателей;

– специфика дискурса диссидентов определяла полифункциональность самиздатских текстов. Авторские задачи включали критику власти, моделирование альтернативных вариантов развития страны («почвеннического», либерально-демократического и др.), прогноз социально-политических перспектив, контрпропаганду, информирование читателей о целях и задачах оппозиционного движения, мобилизацию оппозиционеров. Задачи рождали авторские стратегии – защиту единомышленников, дискредитацию идейных противников, легитимацию нонконформистской модели писательского и гражданского поведения;

– автобиографии диссидентов и их отчеты о судах над инакомыслящими показательны для оценки самопрезентации сообщества. Автор стремился в эго-текстах подтвердить этическую и общественную значимость жизненного пути оппозиционера, укрепить социальный статус сообщества. В отчетах о судах над инакомыслящими – склонить общественность в пользу осужденных, выявить нравственную и правовую несостоятельность обвинений в их адрес. Идентифицируя себя как представителя преследуемого сообщества, автор избирал адекватные поведенческие стратегии – конкуренцию с идейными противниками и защиту единомышленников;

– отчуждение как кризисное состояние сознания диссидентского сообщества вызвало кризис коллективной идентичности. Он выразался комплексно: в историческом сознании диссидентов возникло ощущение бесперспективности попыток реформирования существующей социальной системы, эсхатологические прогнозы развития социализма, мифологические («почвеннические») или утопические («западнические») проекты будущего. Отчуждение от страны и народа сопровождалось герметизацией сообщества, смещением адресата с «рядовых» советских граждан на мировую общественность, истощением тезауруса. Диссиденты стремились разрушить отношения господства и подчинения между государством и гражданами, видели в изменении общественной основы, провоцирующей и углубляющей конфликт, главное условие преодоления социального отчуждения. На практике это означало продолжение противостояния, углубление отчуждения. Индивидуальные варианты сохранения

личностной целостности избирались самостоятельно: одни пытались сохранить профессиональную самоидентичность при социальной маргинальности, другие боролись за право выезда из страны. Выбор поведенческой стратегии определялся в соответствии с личностной аксиологией.

Теоретическая и научно-практическая значимость диссертационного исследования состоит в обосновании культурологического анализа советского нонконформизма как целостного явления через призму социокультурной идентичности. Практический смысл работы заключается в выработке результатов и выводов, способствующих адекватной оценке механизмов и факторов формирования, функционирования и трансформации идентичности нонконформистов как способа конструирования самооценок, моделирования поведенческих и дискурсивных практик.

Выводы, сделанные автором диссертации, могут быть полезными в преподавательской деятельности при разработке и чтении курсов по культурологическим проблемам, а также для реализации исследовательских усилий по изучению проблем социальной культуры советского и современного российского общества.

Степень достоверности результатов исследования

Достоверность научных результатов исследования обеспечивается фундаментальной теоретической базой, составленной из культурологических, философских, искусствоведческих, филологических и социологических работ. Подтверждается обоснованной постановкой проблемы, цели и задач, на основе чего определена основная идея диссертации, подбором адекватных методов исследования, корректным использованием культурологического категориального аппарата.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования были апробированы на Международных научно-практических конференциях: «Маргиналии в культуре: границы культуры и текста» (Полоцк, 2015; Тверь, 2017; Осташков, 2019, Поленово, 2020), «Романтизм как вектор развития культуры : академический и музейный опыт» (Воронеж, 2016), «Универсалии в русской литературе» (Воронеж, 2015-2019 гг.) «Великие имена русской эмиграции» – Ольштын (Польша), 2018 г.).

Результаты и содержание работы отражены в 45 публикациях общим объемом 51,4 п.л. Среди них: изданий, определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ, – 18; в том числе 4, проиндексированных в БД Web of Science, Scopus; 1 монография, 26 статей, проиндексированных в РИНЦ, среди них 6 зарубежных публикаций.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Основные научные положения диссертационного исследования напрямую связаны со следующими пунктами специальности

24.00.01 – Теория и история в культуры: 1.8. Генезис культуры и эволюция культурных форм; 1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов; 1.12. Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре; 1.14. Возникновение и развитие современных феноменов культуры; 1.29 Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики; 2.24. Культура и коммуникация.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и списка литературы, содержащего 479 наименований. Общий объем работы составляет 507 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор проблематики диссертационного исследования, ее актуальность, характеризуется степень научной разработанности проблемы диссертации, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, категориальный аппарат, источниковедческая база, представляются элементы научной новизны и положения, выносимые на защиту, его теоретическая и практическая значимость.

В **Главе I** «Специфика самосознания советских нонконформистов 1960-70-х годов» дается анализ мировоззренческих оснований нонконформистов, определяющих самоидентификацию, систему ценностей, поведенческие практики и риторические приемы, выявляется динамика идентичности: от позиции «шестидесятник» к статусу «диссидент».

В **параграфе 1.1** «"Шестидесятники" как метафора поколения» исследованы принятые в различных научных дисциплинах критерии идентификации поколения, обозначены этапы символической биографии либеральной советской интеллигенции 1960-70-х годов, именовавшей себя «шестидесятниками», выявлены истоки нонконформизма как одного из базовых мировоззренческих и аксиологических принципов.

Автор называет главным социокультурным критерием идентификации генерации типологию восприятия поколением знаковых исторических событий, определяющую представление о своей эпохе, картину мира и человека, систему ценностей, модель коллективного поведения и типы нарратива. Для «шестидесятников» такими генеральными темами были антигуманная природа тоталитаризма, недопустимость реставрации сталинизма, демократизация и либерализация общественной жизни, автономия личности от диктата государства, что в повседневной практике вначале определялось как борьба за свободу слова и мысли, затем – за конституционные права граждан.

В общественном и научном сознании поколения идентифицируются через лидирующие образцы. Сахаров, Солженицын и их более молодые последователи (Буковский, Гинзбург,

Горбаневская и другие) не представляли от лица всего советского народа, но стали знаковыми фигурами своей эпохи из-за способности выразить позицию поколения, реализовать его интеллектуально-нравственный, творческий и гражданский потенциал. В социальной практике и литературно-публицистической деятельности лидеры поколения ориентировались на поведенческие образцы и способы артикуляции, уже получившие легитимность, и сами формировали новые модели поведения, постепенно меняли не только «правила игры» во взаимодействии с властью, но и самосознание сообщества. В результате определялись общие способы социальной и литературно-публицистической реакции на события, критерии артикуляции и интерпретации тем, дискурсивные практики, формировался тезаурус, происходила кристаллизация неконформистского сообщества внутри поколения «шестидесятников».

Самоидентификация «шестидесятников» производилась в соответствии с особенностями российской и европейской культурной матрицы: в категориях долга и ответственности перед народом, страной, эпохой, историей.

Ориентация на культурную традицию, в частности на аксиологию и социальное поведение разночинной интеллигенции 1860-х годов, выразилась в системе этических координатах: духовные ценности ставились выше материальных, житейская прагматика признавалась вторичной в сравнении с нравственными заповедями. Альтруизм ценился выше предпринимательских навыков. Антропоцентризм европейской культуры согласовывался с гуманистическими целями – защитой слабых и угнетенных, просвещением народных масс, общественной деятельностью во имя исторического и научного прогресса. Потребность соотносить профессиональные обязанности с нравственным императивом диктовала либеральной интеллигенции роль посредника между обществом и государством, право критично оценивать действия власти. Это свойство самосознания было чревато оппозиционностью, которая, как и в XIX, нарастала по мере усиления консервативных тенденций в общественной жизни.

Самосознание поколения охарактеризовано в работе как динамичное. Осмыслить трансформацию помогает выявление символических этапов биографии поколения: «детство» (1956-1964 гг.), «юность» (1965-1968 гг.), «зрелость» (1970-сер. 1980), «старость» (вторая пол. 1980-1990-е гг.). В качестве базового критерия для самоидентификации поколения указано осмысление себя как общественных субъектов. Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти названа основной для социального самоопределения генерации.

Автор оспаривает суждение о несостоятельности генерации (Л. Гудков, Б. Дубин) и характеризует его как «отсроченное» поколение, результаты деятельности которого очевидны во всех сферах жизни постсоветского общества.

В параграфе 1.2 «Этика в самосознании членов сообщества» представлен анализ этических концепций в политическом и научном сознании «оттепели», представлена роль этики в коллективной аксиологии и самосознании либеральной советской интеллигенции, трансформация морально-нравственных принципов «шестидесятников» в социальной практике и публицистических текстах.

Автор указывает, что одним из направлений философских поисков советской этики в 1960-е годы было исследование соотношения общечеловеческих и социально-классовых ценностей, обязанных, по мнению философов (А. Шишкин, Я. Мильнер-Иринин, Л. Архангельский, Г. Бендцеладзе, З. Бербешкина и др.), дополнять друг друга. Из этого суждения следовал практический вывод, значимый в качестве регулятора социального поведения личности: каждый поступок человека, в частной жизни или социальной, является нравственным или нет, выявляет меру личностной сопричастности общечеловеческой морали.

Интеллектуально-нравственные искания советских этиков и либеральной интеллигенции совпадали: социальный идеал – гуманный социализм – предполагал слияние этики и политики. Достижение его виделось возможным при неотступном следовании представителей власти и граждан нравственным нормам. Этика выступала в качестве базовой ценности, основанной на общечеловеческой морали, не разделяемой на прикладную и теоретическую, бытовую и общефилософскую. В социальной практике ценилась активная гражданская позиция, осмысленная в категориях свободолюбия, независимости интеллектуальных и нравственных оценок. Осознавая свою культурную роль как просветительскую, неконформисты видели долг перед народом в духовно-нравственном раскрепощении сознания нации, десталинизации общественной жизни и ожидали от правительства той же этической позиции, а значит, последовательности в разоблачении культа личности и искоренении командно-административного метода управления. Критика действий властей оставалась в морально-интеллектуальных рамках и не предполагала целенаправленных антисоветских действий.

Автор выявляет динамику морального сознания неконформистов, отмечает, что изменениям подвергались не нравственные ценности как таковые, а их место в групповой аксиологии. Нравственные требования диссидентов, как и «шестидесятников» начала «оттепели», были выражением одного культурного феномена. В риторике сохранялась ориентация на практическую ориентацию этики. Правозащитники (В. Буковский, А. Вольпин и др.) были убеждены в нерасторжимости права и морали, приоритете общечеловеческой этики

над классовой. Идеал – социально справедливое общество – ценен с моральной точки зрения и достижим юридическими средствами. Поскольку государство само не соблюдало законы, единые для власти и граждан, правозащитники определили свой долг перед обществом как информирование о правовых и моральных нарушениях. Бюллетень «Хроника текущих событий» предъявлял власти прямые обвинения в противозаконности и аморальности действий: бесправии политзаключенных, психиатрическом преследовании инакомыслящих, репрессиях за участие в «подписных кампаниях» и прочее. Действия властей осмысливались однотипно и проговаривались в схожих риторических приемах.

В целях профилактики общественного мнения власть усиливала социальную дискриминацию нонконформистов. Диссидентство для многих стало вынужденной профессией (В. Буковский, П. Григоренко, Ю. Орлов и др.), маргинализация сопровождалась изменением морального сознания. Его важным свойством стало отчуждение, захватившее осмысление отечественной истории, взаимоотношений с государством, обществом, народом, понимание своей роли в обществе, этические представления. Отчуждение в морально-нравственной сфере определило трансформацию морали из базовой ценности сообщества в инструментальную, что повлекло смещение приоритетов с общечеловеческих ценностей к социально-классовым, соответствовавшим логике идеологической борьбы. Соответственно, в публичных декларациях и текстах, курсирующих в сам- и тамиздате, сохранялся категорический императив, на практике реализовывались утилитаризм, прагматизм и нигилизм (А. Солженицын «Бодался теленок с дубом»; С. Глузман, В. Буковский «Пособие по психиатрии для инакомыслящих»; А. Зиновьев «Мой дом – моя чужбина»). Результатом могла стать раздвоенность личностного морального сознания, при которой диссидент среди единомышленников демонстрировал бескомпромиссность и честность, а в отношении идейных противников руководствовался принципом «цель оправдывает средства».

Попытки диссидентов изменить характер взаимодействия власти и общества приводили к обострению конфронтации сторон, усиливали отчуждение как свойство самосознания сообщества. Функциональная этика, корректировка морали в соответствии с логикой и практикой идеологического противостояния была закономерным итогом кризисного морального сознания диссидентов.

В **параграфе 1.3** «Историческое сознание нонконформистов» осмыслена трансформация представлений о советской и российской истории и роли интеллигенции в ней, что позволяет осмыслить гражданскую идентичность «шестидесятников» и диссидентов.

Обостренное чувство истории составляло существенный компонент самосознания «шестидесятников» и определяло социальное поведение. Ответственность за судьбу страны

осмысливалась как социокультурная миссия поколения и диктовала борьбу за «историческую правду», что предполагало освобождение от идеологических мифов, преодоление запретных тем в публичном обсуждении. Анализ ближайших к современности событий вскрывал закономерности, обеспечивающие воспроизводство социальных процессов, помогал понять исторические тенденции своей эпохи и виделся неперенным условием избавления от былых ошибок. Ревизия прошлого имела практическую направленность, ориентировала современников на решение повседневных социальных проблем, давала интеллектуальные и нравственные ориентиры для собственной гражданской активности.

Общественная полемика вокруг антисталинских научных трудов (А. Некрич «1941, 22 июня», Р. Медведев «Перед судом истории», Ж. Медведев «У истоков генетической дискуссии») обнажила различия в трактовке ближайшего прошлого представителями партийного аппарата и «шестидесятниками». Травматичные сюжеты отечественной истории расценивались властью как взрывоопасные, провоцирующие читателей на ревизионизм. «Шестидесятники» боролись за «полную правду» о недавнем прошлом (П. Григоренко «Сокрытие исторической правды – преступление перед народом!»), осмысливали себя борцами с искажениями социализма и неосталинизмом.

Интеллектуальные искания «шестидесятников» начала «оттепели» базировались на идее безальтернативности социалистического пути для России. Рефлексия не выходила за рамки обоснования наиболее эффективных механизмов усовершенствования данной модели политического устройства. Модель социального поведения нонконформистов определяло представление о политической и идеологической борьбе классов как движущей силе истории, что определяло практические действия – публичную полемику с консерваторами в печати, на партконференциях. Однако с середины 1960-х годов в сознании диссидентов утверждается идея возможной вариативности отечественной истории. Правозащитники (А. Сахаров, Ю. Орлов и др.) ориентировались на европейский путь, националисты (А. Солженицын, В. Осипов, А. Огородников и др.) искали альтернативу в национальной древности, как нереализованном векторе развития. При разнице исторических ориентиров диссидентов объединял негативизм оценок современности, поиск альтернатив социализму (сборник «Из-под глыб»).

В целом трансформация исторического сознания нонконформистов определялась усугубляющимся со второй половины 1960-х годов ощущением исторической бесперспективности не только существующей модели управления страной, но и социализма как исторического вектора. При этом диссиденты политизировали сознание современников, обесценивали существующую власть и всю политическую систему. Представление о закономерности и естественности ее гибели, декларация ненасильственных методов не меняли

семантики социальных действий и конечной цели: социализм осмысливался как обреченная социальная модель. В аналитических общественно-политических статьях диссидентов политическая тенденциозность входила в авторскую задачу и определяла обличительный, категоричный характер письменных высказываний. В риторической практике утвердились эсхатологичные прогнозы советского строя, мотивы предупреждения мировой общественности о потенциальной угрозе, исходящей от социализма (А. Амальрик «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», И. Шафаревич «Есть ли у России будущее?», Ю. Орлов «Возможен ли социализм не тоталитарного типа?» и др.). В обыденной речи закрепился речевой штамп «эта страна», отражавший отчужденное состояние сознания.

Отождествление индивидуально-личного времени и исторического, типичное для «шестидесятников», сохранялось диссидентами в восприятии себя как исторических персонажей, от повседневной практики которых зависит судьба страны. Однако отчуждение от истории проявилось в конструировании диссидентами собственных идеологических мифов – западных или «почвеннических» проектов преобразования, выявивших свою утопичность в постсоветский период.

Глава II «Социальные поведенческие практики неконформистов» посвящена анализу поведенческих моделей, утвердивших себя в качестве эталонных и ставших в ходе тиражирования нормативными. Первый параграф носит теоретический характер, второй и третий конкретизируют его положения.

В параграф 2.1 «"Поступок" в аксиологии, самосознании и поведении членов сообщества» выявлены семантика понятия «социально ответственный поступок» в самосознании неконформистов, мотивация социальных действий и место в аксиологии сообщества.

«Поступок» являлся смыслообразующим понятием в аксиологии и самоидентификации неконформистов. В семантику понятия включалось бескорыстное, самоотверженное действие, продиктованное ответственностью за судьбу страны, потребностью выразить свою гражданскую идентичность.

При характеристике свойств неконформистского поступка начала «оттепели» необходимо учитывать несформированность протестного движения. Действия «шестидесятников» не являлись оппозиционными. Кампания по защите Бродского, антисталинские выступления на партконференциях в различных трудовых коллективах и прочие акции имели целью содействовать либерализации общественной жизни, в художественной практике расширить эстетические границы. Борьба велась не с системой, а с ее ортодоксальными представителями.

Стимулом поступка выступало несоответствие между зафиксированным XX и XXII съездами партии политическим курсом и реальным положением дел. Внутренними

побуждениями являлись: *социальные* (потребность отстаивать свободу слова, противостоять реставрации сталинизма, поддержать демократические начинания, обеспечить бесповоротность исторического прогресса); *этические* (невозможность смириться с официальной ложью, необходимость жить в согласии с совестью); *нравственные* (желание утвердить бескомпромиссность и принципиальность как норму гражданского поведения); *воспитательные* (дать пример поведения и таким образом выявить потенциальных единомышленников).

Эти мотивы представляют аксиологию поступка. Ценность поступка осмысливалась сообществом в совокупности субъективных и объективных значений. Субъективная ценность заключалась в гражданской самореализации, практическом выражении нравственных принципов, преодолении общественного бездействия, чреватого драматичными последствиями для развития страны. Объективная ценность виделась в открытом заявлении общественного запроса к власти на последовательность и логичность выполнения ею политических деклараций.

По мере нарастания консервативных тенденций в общественной жизни во второй половине 1960-х-70-е годы расширился состав оппозиционеров, их идеологические ориентации стали более разнообразными, изменились морально-нравственная риторика, поведенческая стратегия и тактика. На смену индивидуальным выступлениям неконформистов пришли групповые оппозиционные акции диссидентов. Коллективное действие предполагает общность мотивов, согласованность действий всех членов группы, накладывает на участников значительно бóльшую ответственность, не только моральную, но и юридическую, усиливает общественный резонанс. Невзирая на размежевание течений («истинные коммунисты», «либералы-западники», «религиозники», «националисты» и прочее), формы общественной активности (петиционные кампании, митинги) оставались едиными. Участники движения (А. Есенин-Вольпин, В. Буковский, Н. Горбаневская, Л. Богораз и др.) стремились легитимировать право на существование и зафиксировать свои действия в общественной памяти с помощью символических акций, способных выполнить функцию контрпропаганды. Так в социальной практике диссидентства возник поступок-символ – акция, культурный и нравственный смысл которой превышает практический результат: Митинг Гласности, демонстрация 25 августа 1968 года и др. Акция наделяется статусом символа по нескольким показателям: весомая причина; символическое время и место проведения; неординарность действий участников (например, демонстранты устраивают сидячую манифестацию на Лобном месте Красной площади); зрелищность (одним из средств решения этой задачи может быть несоответствие малого количества участников глобальности заявлений); сила резонанса внутри страны и за рубежом.

Для адекватного восприятия символических действий исполнители и зрители должны существовать в одном культурном пространстве, говорить на языке контркультуры. Возникновение символических акций свидетельствует о герметизации сообщества, сужении круга адресатов внутри страны и переориентации на Запад.

Основным поведенческим приемом диссидентов были публичность и гласность, неповиновение стало демонстративным, иногда провокационным. В провокационных публичных акциях цель – противодействовать нарушениям прав и свобод личности – пришла в противоречие со средством ее достижения – намеренным усилением репрессий в свой адрес. Однако провокация, как эффективный метод привлечения внимания общественности внутри страны и за рубежом, не отвергалась сообществом.

Таким образом, «общественно значимый поступок», продиктованный этическими мотивами, трансформировался в социальной практике диссидентов в категорию «социальная акция». В групповых протестных действиях деформировалась структура поступка, нарушился баланс цели и средств, сменился адресат деятельности, усилилась герметизация и самоизоляция сообщества.

В параграфе 2.2 «Поведенческие образцы в социальной практике» изучены становление и функционирование в социальной и профессиональной практике нонконформистов поведенческих моделей, воспринятых сообществом как образец, достойный подражания. Общественно значимыми и этически ценными для нонконформистов представлены модели «защитник» (Ф. Вигдорова), «правозащитник» (А. Есенин-Вольпин), «борец с тоталитаризмом» (В. Тарсис, А. Солженицын).

Автор утверждает, что самоосмысление производилось «шестидесятниками» с учетом культурных традиций российской интеллигенции XIX века. Культурный образец выполнял роль посредника, помогающего осмыслить личную жизнь в контексте истории. В социальной практике актуализировались поведенческие модели, осмысленные сообществом как адекватные ситуации. Например, литераторам оказалась близка традиция заступничества, востребованная вследствие юридического преследования писателей-нонконформистов. Ее реализовала в ходе «дела Бродского» Ф. Вигдорова.

Действия журналистки (составление и распространение записи суда, сплочение единомышленников в борьбе за оправдание поэта) представляют поведенческую цитату из общественной деятельности В. Короленко по защите главного фигуранта «дела Бейлиса». Поведенческий образец выявляет ориентацию журналистки на вневременные нравственные ценности, усвоенные как обязательные для практической реализации: писатель-защитник апеллирует к власти и общественному мнению с позиций общечеловеческой морали. Ценность

личности ставится выше конфессиональной, национальной принадлежности или мировоззрения обвиняемого; справедливость выше политики и идеологии; гуманизм и сострадание мыслятся главными законами человеческого общежития. Защитник мобилизует отечественную и мировую общественность на противодействие тенденциозному судебному решению, сознавая персональную ответственность не только перед отдельной личностью – обвиненным, но перед историей, ход которой определяется индивидуальным стремлением каждого человека к прогрессу и справедливости.

Поведение Вигдоровой в «деле Бродского» было признано «шестидесятниками» образцовым, а способы осмысления и артикуляции события, зафиксированные в записи суда над Бродским, каноничным текстом. В ходе последующих судебных процессов над неконформистами составители книг-отчетов (А. Гинзбург «Белая книга о деле Синявского и Даниэля», П. Литвинов «Процесс четырех», Н. Горбаневская «Полдень» и другие) тиражировали образец поведения Вигдоровой, наделив его статусом нормативного. Ориентация последователей на ее образец объясняется, на наш взгляд, не только результативностью (приговор Бродскому был пересмотрен), но и узнаваемостью исходного образца, восприятием ее модели поведения как ценной в любую эпоху.

Литературоцентризм как свойство отечественной культуры повлиял на самоидентификацию писателей-«шестидесятников». Борьба за расширение эстетических границ, свободу творчества, возвращение в художественный процесс запрещенных имен и прочее мыслилась как культуротворческая миссия, от реализации которой зависит будущее страны и народа. По мере ужесточения цензуры и нарастания консервативных тенденций в управлении культурой в профессиональной практике писателей, вынужденных ориентироваться на сам- и тамиздат, интенсифицировалась поведенческая модель «борец с тоталитаризмом» – трансформированный вариант образца «борец с самодержавием», усвоенный вместе с культурными традициями революционной демократии.

Ее реализовали в профессиональной и общественной деятельности А. Солженицын и В. Тарсис. Неравные по степени воздействия на общественное сознание и мере литературного таланта, писатели использовали однотипные тактические приемы, свидетельствующие о единстве исходной модели. Аксиология «борца с тоталитаризмом» включала несколько позиций: советское государство антигуманно, исторически обречено; граждане должны осознать свою историческую ответственность и подняться на борьбу с режимом; оппозиционер отстаивает правду, справедливость, свободу. Нравственная наполненность миссии определяет победу если не реальную, то моральную; сопротивление государству требует от личности самопожертвования и стойкости; литературное творчество является продолжением

общественной деятельности, распространение текстов в сам- и тамиздате должно подкрепляться социальными акциями.

Поведенческая модель «борец с тоталитаризмом» и тактические приемы, использованные писателями-оппозиционерами, снискали популярность в среде нонконформистов и нашли дальнейшую реализацию в социальной практике диссидентов.

Становление поведенческой модели «правозащитник» соответствует либеральной традиции XIX века и интеллектуальным поискам европейского и советского общественного сознания 1960-х годов. Методологом и идеологом советской правозащиты выступил логик и математик А. Есенин-Вольпин, заложивший в основу концепции несколько тезисов: государство является субъектом права, обязанным не только формулировать законы для граждан, но и само выполнять предписанные нормы; советские законы способны ограничивать диктат государства; граждане обладают юридическими правами защищать себя от противоправных действий.

Со второй половины 1960-х гг. апелляция к праву и закону вытеснила «защитную» риторику и стала привычным приемом в литературно-публицистических высказываниях и социальных акциях диссидентов.

Социальный опыт нонконформистов аккумулировался по мере обретения все новых форм общественной активности (петиционные кампании, митинги, неподцензурные издания, составление письменных рекомендаций для диссидентов и прочее). Поведенческие модели конструировались по апробированным образцам и проходили селекцию: одни отбрасывались, другие, как наиболее значимые в ценностной иерархии и социально эффективные, приживались и формировали поведенческую норму. Норма закреплялась в коллективном сознании, продолжала внедряться в социальную практику и систему внутригрупповой и социальной коммуникации. Так процессы формирования поведенческих образцов и норм определяли основные формы деятельности и взаимодействия нонконформистов, в конце концов сложились в системообразующее ядро контркультуры.

В **параграфе 2.3** «Нормативное поведение в социальной практике и внутригрупповой коммуникации» представлена специфика взаимодействия членов нонконформистского сообщества, причины и механизмы трансформации поведенческих норм. Материалом исследования послужили материалы петиционных кампаний, сопровождавших знаковые процессы 1960-70-х гг.: «дело Бродского», суд над Синявским и Даниэлем, «процесс четырех». Проанализированы стереотипы коллективного сознания, поведенческие клише и риторические приемы участников кампаний, оценен коллективный образ автора писем Правительству, выявлены тип идентичности и динамика самосознания либеральной интеллигенции, выступавшей в защиту репрессированных.

Автор утверждает, что защитные действия и специфика риторики «шестидесятников» во многом определялись трактовкой процесса, заданной властью. Первые два процесса носили «литературный» характер. В первом случае власть судила молодого поэта за тунеядство. Во втором – писателей за публикацию за рубежом под псевдонимами антисоветских произведений. В защиту осужденных выступали преимущественно литераторы, гуманитарная и художественная интеллигенция, что формировало характер восприятия и трактовку судов над И. Бродским, А. Синявским и Ю. Даниэлем. Метафоричность и символизм, свойственные художественному сознанию, определили реакцию сообщества. Суды над писателями были осмыслены как знаковые события общественной жизни, драматичные для всего сообщества: ужесточение цензуры, консервация сталинских методов управления культурой, торжество идеологии над справедливостью. Риторические приемы авторов в письмах Правительству соответствовали аксиологии и поведенческой тактике «защитник». Антропоцентризм и гуманизм определили защитную аргументацию: адресанты, стремились вызвать у представителей власти сочувствие к обвиняемым, давали комплементарную характеристику их личности и творчества, стремились снять идеологические обвинения, убедить в совершившейся судебной ошибке. Участие крупных деятелей искусства (Д. Шостаковича, А. Твардовского, К. Чуковского, С. Маршака) должно было придать защитным действиям дополнительную весомость. Из зарубежных писателей привлекались друзья Советского Союза (Г. Белля и Ж.-П. Сартра, Л. Арагона), чье вмешательство во внутренние дела страны нельзя было расценить как враждебную акцию. В системе защитной аргументации этические мотивы доминировали над юридическими. Провозгласив примат справедливости над законом, неконформисты выражали общественный запрос на гуманизацию закона и правоприменительной практики.

Петиционная кампания, сопровождающая «процесс четырех», отличалась от предыдущих и по масштабу, и по составу участников. В сообщество защитников кроме гуманитарной и творческой интеллигенции из Москвы и Ленинграда включились Новосибирск и Академгородок, националистическая оппозиция из Латвии и Украины, сторонники репрессированных по другим «диссидентским» делам. Таким образом, коммуникативным событием в письмах выступил не только суд над А. Гинзбургом, Ю. Галансковым, В. Лашковой и А. Добровольским, но и хронологически совпавшие с ним аресты инакомыслящих, проведенные в разных регионах страны. В данном случае «несогласные» претендовали на союзный размах, заявляли о массовости оппозиционных настроений. Общий тон посланий Правительству, спектр высказанных претензий свидетельствовали о вызревании в среде неконформистов непримиримых настроений, определивших формирование диссидентства. На

место этическим аргументам защиты пришли юридические, модель поведения «защитник» потеснилась новой – «правозащитник».

Адресанты демонстрировали решимость бороться с режимом, разоблачая юридическую несостоятельность процесса и нарушение конституционных прав человека. Риторика писем Правительству приобрела категоричный тон, ультиматумы в адрес властей вытеснили просьбы и выражения озабоченности, характерные для предыдущих процессов.

Реализация принципов «правозащиты» в социальной практике предполагала публичность, гласность, легальные требования к государству соблюдать закон. Соответственно, петиционные кампании дополнились новыми формами выражения гражданского неповиновения – митингами, обращениями к зарубежной общественности, созданием международных комитетов по защите прав личности и прочее.

Таким образом, динамика самосознания коллективного автора петиционных кампаний претерпела существенные перемены. Мысль нонконформистов двигалась от декларации гуманистических принципов и общечеловеческой морали в качестве обязательных правил взаимодействия общества и государства к прагматике, апелляции к закону как универсальному гаранту прав гражданина и неприятию власти, игнорирующей закон и право. Самоидентификация изменилась от позиции «защитник», адекватной гуманизму и антропоцентризму как базовым ценностям интеллигенции, к модели «правозащитник», выявляющей отчуждение граждан от государства.

Глава III «Литературно-публицистические стратегии» посвящена анализу авторских стратегий «шестидесятников» и диссидентов, реализованных в текстах, предназначенных для сам- и тамиздата. Писательская деятельность оценена как инвариант социальной активности, наряду с другими формами (демонстрациями протеста, петиционными кампаниями, созданием специальных общественных комитетов и проч.). Анализу подвергнуты своеобразие дискурса, обусловленное авторскими задачами, выходящими за границы эстетики, имеющими социальную ориентацию. Исследование позволяет выявить специфику личной самоидентификации и коллективной идентичности нонконформистов.

Параграф 3.1. «Специфика диссидентского дискурса. Наследие диссидентов как интертекст» доказывает взаимосвязь литературной и социальной деятельности диссидентов. Выявлена писательская и идеологическая ориентация инакомыслящих друг на друга, указана общность основных тем, мотивов, способов артикуляции, приемов поэтики, что свидетельствует о сформированности коллективной идентичности, проявляющей себя в интертекстуальности литературно-публицистического наследия.

Автор утверждает, что в литературно-публицистической деятельности диссиденты стремились решить комплекс задач: *интеллектуальную* – осмыслить причины неудач социальной политики (ресталинизации и нарушения гражданских свобод), смоделировать возможные варианты развития страны («почвеническую», либерально-демократическую и другие), спрогнозировать перспективы; *информационную* – дать полные сведения о собственных целях и задачах, позволить читателю самостоятельно делать выводы о гражданской и нравственной состоятельности их акций; *идеологическую* – склонить общественное мнение в пользу неконформистов, лишенных права голоса на страницах официальной печати; *дидактическую* – указать современникам пути оздоровления страны, воспитать последователей; *нравственно-этическую* – разоблачить несправедливый характер обвинений в их адрес как «внутренних врагов», «пособников империализма»; *социальную* – мобилизовать граждан к борьбе за права личности и социальное оздоровление; *практическую* – представить соотечественникам и мировой общественности материал, способный затруднить карательные меры в адрес диссидентов.

Таким образом, главным в самосознании инакомыслящих было устойчивое отношение к своей художественной и публицистической деятельности как к факту общественной жизни. Задачи рождали авторские стратегии: защиту единомышленников, дискредитацию идейных противников, легитимацию неконформистской модели писательского и гражданского поведения. Текст наделялся в большей степени социальными полномочиями, чем литературными. Этим объясняется высокая степень идеологической заряженности и художественная неоднородность представленных в сам- и тамиздате материалов.

Характер взаимодействия официальной и неофициальной литератур в 1960-е и 1970-е годы был различным. В начале «оттепели» граница была проницаемой: одни и те же авторы (А. Солженицын, А. Синаевский и др.) могли печататься в официальных изданиях и в самиздате. В 1970-е годы положение изменилось: сам- и тамиздат отрезали автору путь к легальному профессиональному существованию. Соответственно менялась самоидентификация авторов неподцензурной литературы.

В начале «оттепели» авторы самиздата не противопоставляли себя официальной литературе, что определило профессиональную ориентацию на образцы поэтики соцреализма (Солженицын «Один день Ивана Денисовича», Тарсис «Палата № 7», Чуковская «Софья Петровна»). В 1970-е годы усилилась конфронтация сторон, происходила консервация сообщества диссидентов, сопровождающаяся выработкой единых способов интерпретации и артикуляции событий. Отличительными свойствами диссидентского дискурса стали: бинарность мировосприятия; однозначная интерпретация постоянных тем: «личность – государство», «интеллигенция –

народ», «свободолюбивые борцы с режимом – смилившееся большинство»; апелляция к факту и документу для убедительности авторской позиции; интерпретация фактов, соответствующая «диссидентской» концепции; использование мифопоэтики, органичной «диссидентским» идеологическим мифам, ориентация на «своего» читателя.

Несмотря на самоидентификацию «борец с режимом», диссиденты воспроизводили формы официального письма, занимали дидактическую позицию «над» читателем, стремились воспитывать современника и направлять его сознание. Идеологический характер дискурса, транслируемая ценностная иерархия, способы осмысления и артикуляции свидетельствуют о единстве культурных кодов оппозиционеров и отвергаемой ими официальной культуры.

Близость идеологических, нравственно-этических и гражданских позиций авторов, отношение к тексту как к общественному поступку, единство задач, авторских стратегий, сферы функционирования письменной продукции, плотная коммуникация внутри авторского сообщества, специфика дискурса – все это определяло взаимоотношение текстов, способствовало формированию интерпоэтики. По мере консервации самиздата интертекстуальность меняла свою специфику: в отличие от нонконформистов начала «оттепели», ориентировавшихся на традиции классической русской и мировой литературы, диссиденты преимущественно отсылали читателей к идеям и текстам самиздата, что отражает герметизацию сознания членов сообщества, чреватую истощением тезауруса.

Параграф 3.2 «Конкурентная стратегия в мемуарах и автобиографиях» посвящен анализу личной идентичности нонконформистов, зафиксированной в эго-текстах, выявлению цели и способов интерпретации автобиографической основы и фактического материала, оценке соотношения публицистического и художественного начал, исследованию авторских стратегий, реализуемых в текстах. Материалом выступают воспоминания и автобиографии А. Солженицына «Бодался теленок с дубом», Л. Чуковской «Процесс исключения», В. Буковского «И возвращается ветер...» и др.

Внимание нонконформистов к эго-жанрам объясняется как общей тенденцией художественного процесса 1960-70-х годов, так и потребностью автора произвести самооценку в парадигме «я – историческое время», легитимировать оппозиционную модель поведения в общественном сознании. Цель определила конкурентную авторскую стратегию, предполагающую решение нескольких задач: подтвердить значимость жизненного пути оппозиционера, более ценного, чем конформизм, убедить читателя в этической и общественной ценности протестной модели поведения, укрепить социальный статус сообщества.

А. Солженицын в книге «Бодался теленок с дубом» зафиксировал типологию, артикулировал коллективные ценности в универсальных приемах нарратива, придал жанру

автобиографии оппозиционера концептуальную завершенность: в сюжет заложена история противостояния героя государству; диалектика характера заменена декларацией оппозиционности режиму; произведена селекция фактов, отредактирована биографии, использованы мифопоэтические приемы – сюжет мифа творения, автомифологизация, демонизировано государство. Мифологический код позволил автору героизировать жизненный путь «борца с режимом», трактовать борьбу личности за социально-исторический прогресс как вневременную ценность.

Солженицын создал полижанровую модель (агиография, роман-воспитание и др.), соответствующую дискурсу классика русской литературы. Такая самопрезентация должна была способствовать замене ценностной иерархии в сознании читателя: поставить на верхнюю ступень литературного изгоя, вытесненного властью на обочину художественного процесса, но сохранившего не только мастерство, но и верность культурным традициям.

Авторские стратегии и тип нарратива Солженицына были воспроизведены другими авторами: Л. Чуковская «Процесс исключения», А. Амальрик «Нежеланное путешествие в Сибирь», П. Григоренко «В подполье можно встретить только крыс...», В. Буковский «И возвращается ветер...», Ю. Орлов «Опасные мысли» и др. Способ самоидентификации, зафиксированный в автобиографиях, приобрел статус нормы. Тиражирование нормативной жанровой модели способствовало сплочению сообщества, укрепляло внутригрупповые связи.

Чаще всего автобиографии выходили на Западе, что определяло адаптивную стратегию, соответствующую задаче автора социализироваться в новом социокультурном пространстве, не утратив личную идентичность в условиях частичной изоляции от своей референтной группы.

Способы реализации адаптивной стратегии рассмотрены на примере книги Буковского «И возвращается ветер...». Автор ориентировался на зарубежного читателя и избрал авантюрно-приключенческий тип нарративизации советской жизни. Апробированные нонконформистами приемы нарратива (мифологизация советской действительности, героизация сопротивления режиму, вольная интерпретация фактов при декларации документальности прозы) дополнены новыми: отчужденное сознание диссидента создало квазиисторию советской страны, для изложения которой оказалась органична поэтика анекдота, фельетона, сатиры. В использованном автором для самоидентификации мифологическом образе культурного героя акцентированы свойства трикстера, способного тактически переиграть враждебное государство.

Таким образом, динамика личностной идентичности, зафиксированной в эго-текстах «шестидесятников» и диссидентов, демонстрирует углубляющееся отчуждение членов сообщества от власти и общества. Специфика диссидентского дискурса (представительство автора от лица всего сообщества, однотипность осмысления современной реальности,

ограниченность тем и мотивов, обращение к определенному набору поэтических приемов, ориентация на «своего» читателя) являлась результатом вынужденного социального обособления сообщества и имела следствием истощение тезауруса.

В параграфе 3.3 «Стратегия защиты в книгах-отчетах о судах над диссидентами» автор выявляет характер коллективной идентичности неконформистов. Материалом выступили запись суда над Бродским Ф. Вигдоровой, «Белая книга о деле Синявского и Даниэля» А. Гинзбурга, «Полдень: Дело о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года» Н. Горбаневской. Анализ текстов позволяет оценить динамику коллективного самосознания, обнаружить единство способов интерпретации судебных процессов разными авторами, выявить трансформацию основных приемов нарратива.

Социальная ориентированность писательской практики диссидентов определила использование в качестве контрпропаганды жанра судебной хроники. Конкурентная стратегия, обусловленная необходимостью представить контраргументы в информационном противостоянии, сочеталась в данном случае со стратегией защиты. Автор стремился склонить общественность в пользу осужденных, выявить нравственную и правовую несостоятельность обвинений. Решение этих практических задач предполагало апелляцию не только к власти, но и к отечественной и зарубежной общественности как субъекту диалога с государством.

Поиск наиболее эффективных способов воздействия на читателей и оптимального типа нарратива определил мобильность жанровой формы: от записи судебного процесса, сохранившей жанровые свойства хроники (Вигдорова), авторы (Гинзбург, Горбаневская) пришли к книге-отчету с максимально полным изложением предыстории, хода следствия, материалов суда, кампании в отечественной и зарубежной прессе, писем общественности с голосами поддержки и осуждения обвиненных. Единой для авторов была ориентация на фактографическую точность: читатель должен был воспринимать текст как объективную информацию, лишенную идеологической ангажированности официальных изданий. Эта цель была достигнута: референтная группа воспринимала отчеты о судах, изданные самиздатом, как стенограммы процессов.

При этом авторы всякий раз находили различные способы для моделирования читательского восприятия. Ф. Вигдорова осмыслила суд над Бродским в романтических коннотациях: как столкновение поэта и власти, поэта и толпы. А. Гинзбург, используя жанр Белой книги, придал уголовному процессу над Синявским и Даниэлем социально-политическое звучание. Н. Горбаневская в книге «Полдень» отразила переживания краха «пражской весны» как личной и коллективной трагедии неконформистов.

Авторы добивались внелитературного эффекта – мобилизовывали современников к защите оппозиционеров. Тип нарратива текстов свидетельствует о различной авторской позиции: Вигдорова призывала власть к диалогу с обществом. Гинзбург стимулировал возмущение читателей действиями властей. Горбаневская занимала непримиримую позицию, свойственную диссидентскому сообществу. Авторская стратегия книг-отчетов свидетельствует о динамике самосознания от диалогической позиции, свойственной «шестидесятникам», к монологической, типичной для диссидентов.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы, определяются перспективы изучения советского нонконформизма, требующие культурологического подхода.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных
ВАК и Аттестационным советом УрФУ:**

1. Серебрякова Е. Г. Исторический пейзаж глазами шестидесятников: (по воспоминаниям А. Солженицына «Бодался теленок с дубом» и дневникам Р. Орловой) / Е. Г. Серебрякова // Обсерватория культуры. – 2012. – № 3. – С. 48-52. – 0,3 п. л.
2. Серебрякова Е. Г. Нормативная модель поведения «шестидесятника» (по дневникам Е. Шварца и воспоминаниям Р. Орловой и Л. Копелева «Мы жили в Москве») / Е. Г. Серебрякова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 4 (12). – С. 31-40. – 0,5 п. л.
3. Серебрякова Е. Г. От «шестидесятничества» к «диссидентству» : несколько слов об эволюции явления / Е. Г. Серебрякова // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5. История и филология. – Ижевск, 2013. – № 4. – С. 75-82. – 0,5 п. л.
4. Серебрякова Е. Г. Солженицын как текст в литературно-публицистической практике диссидентов / Е. Г. Серебрякова // Вопросы культурологии. – Москва, 2014. – № 1. – С. 84-88. – 0,4 п. л.
5. Серебрякова Е. Г. Литературно-публицистическое наследие диссидентов как объект культурологического исследования / Е. Г. Серебрякова // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2015. – № 3(19). – С. 17-25. – 0,5 п. л. (**Web of Science**)
6. Серебрякова Е. Г. «Антисоветчик» Валерий Тарсис : поведенческая модель писателя-нонконформиста как реализация идентичности / Е. Г. Серебрякова // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Филология». – Томск, 2017. – № 46. – С. 167-175. – 0,6 п. л. (**Web of Science, Scopus**)
7. Серебрякова Е. Г. Этика в аксиологии и социальной практике советских нонконформистов 1960-70-х годов / Е. Г. Серебрякова // Культура и цивилизация. – 2018. – Том 8. – № 6 А. – С. 194-203. – 0,4 п. л.

8. Серебрякова Е. Г. Идентичность «борец с тоталитаризмом» в социальной практике В. Буковского / Е. Г. Серебрякова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». – 2019. – № 3. – С. 23-29. – 0,4 п. л.
9. Серебрякова Е. Г. Идентичность «защитник» в социальной и профессиональной практике Фриды Вигдоровой / Е. Г. Серебрякова // Обсерватория культуры. 2019. – Том 16. – № 1. – С. 72-83. – 0,8 п. л.
10. Серебрякова Е. Г. «Шестидесятники»: биография поколения / Е. Г. Серебрякова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2019. – Том 25. – № 1. – С. 99-106. – 0,4 п. л.
11. Серебрякова Е. Г. «Шестидесятники»: критерии идентификации поколения советских нонконформистов / Е. Г. Серебрякова // Личность. Культура. Общество. – 2019. – Т. 21. – Вып. 1-2. – С. 153-161. – 0,6 п. л.
12. Серебрякова Е. Г. Ценность социального поступка в аксиологии и самосознании советских нонконформистов 1960-70-х годов / Е. Г. Серебрякова // Человек и культура. – 2019. – № 2. – С. 73-79. – 0,5 п. л.
13. Серебрякова Е. Г. «Процесс четырёх» в контексте «петиционных кампаний» советских нонконформистов 1960-х годов: становление идентичности «правозащитник» / Е. Г. Серебрякова // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 34. – С. 73-84. – 0,7 п. л. (**Web of Science**)
14. Серебрякова Е. Г. «Бодался теленок с дубом» в контексте этических исканий советской интеллигенции 1960-70-х годов / Е. Г. Серебрякова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2019. – Т. 21. – № 1 (184). – С. 11-23. – 0,7 п.л. (**Web of Science**)
15. Серебрякова Е. Г. Феномен отчуждения в самосознании и поведенческой практике советских диссидентов / Е. Г. Серебрякова // Культура и цивилизация. – 2019. – Том 9. – № 4 А. – С. 100-108. – 0,6 п.л.
16. Серебрякова Е. Г. «Советское» и «антисоветское» в самосознании и поведенческих практиках нонконформистов 1960-70-х годов / Е. Г. Серебрякова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Познание. – 2019. – № 9. – С. 23-27. – 0,3 п.л.
17. Серебрякова Е. Г. Историческое сознание советских нонконформистов 1960-1970-х годов / Е. Г. Серебрякова // Личность. Культура. Общество. – 2019. – Т. 21. – Вып. 3-4 (103-104). – С. 206-214. – 0,6 п.л.
18. Серебрякова Е. Г. Идентичность «правозащитник» в аксиологии и социальной практике Александра Есенина-Вольпина / Е. Г. Серебрякова // Обсерватория культуры. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 48-60. – 0,9 п.л.

Монография

19. Серебрякова Е. Г. От «шестидесятничества» к диссидентству : специфика советской нонконформистской идентичности / Е. Г. Серебрякова. – Воронеж : Кварта, 2018. – 458 с. – Тираж 500. – 28,6 п.л.

Другие издания:

20. Серебрякова Е. Г. Жанр письма правительству в художественной культуре 1920-х и 1930-1950-х гг. / Е. Г. Серебрякова // Вестник научной сессии факультета философии и психологии. – Воронеж, 2009. – Вып. 10. – С. 133-136. – 0,3 п.л.
21. Серебрякова Е. Г. Аксиология шестидесятничества (на примере мемуаров А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом» и Л. К. Чуковской «Процесс исключения») / Е. Г. Серебрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2010. – № 2. – С. 123-126. – 0,3 п.л.
22. Серебрякова Е. Г. Модель личностного поведения писателя как отражение общекультурных тенденций эпохи / Е. Г. Серебрякова // Вестник научной сессии факультета философии и психологии. – Воронеж, 2011. – Вып. 12. – С. 144-150. – 0,4 п.л.
23. Серебрякова Е. Г. Мир глазами диссидента : (по книге В. Буковского «И возвращается ветер...») / Е. Г. Серебрякова // Управленческое консультирование. – Санкт-Петербург, 2012. – № 4. – С. 132-138. – 0,4 п.л.
24. Серебрякова Е. Г. Трансформация архетипа культурного героя в воспоминаниях диссидентов / Е. Г. Серебрякова // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия «Филология и Журналистика». – 2012. – № 2. – С. 100-105. – 0,4 п.л.
25. Серебрякова Е. Г. Разрушение диалогизма в советской культуре 1960-1970-х годов / Е. Г. Серебрякова // Slavia orientalis. – Warszawa, 2013. – Т. 62, № 2. – С. 183-196. – 0,8 п.л.
26. Серебрякова Е. Г. «Мы отмывали грязное время...» : социально-нравственный императив «шестидесятников» / Е. Г. Серебрякова // Przegląd Rusycystyczny. – Katowice, 2013. – № 4 (144). – С. 66-80. – 0,9 п.л.
27. Серебрякова Е. Г. «Культурная личность» вчера и сегодня / Е. Г. Серебрякова // Личность в современном обществе : психологические проблемы и перспективы развития : сборник научных трудов : [материалы Международной научно-практической конференции]. – Воронеж, 2013. – С. 380-385. – 0,4 п.л.
28. Серебрякова Е. Г. Жанр судебной хроники в литературно-публицистическом наследии диссидентов / Е. Г. Серебрякова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». – Белгород, 2014. – Вып. 21, № 6 (177). – С. 187-196. – 0,6 п. л.
29. Антиутопия А. Платонова и А. Зиновьева : две модели реальности – художественная и научная / Е. Г. Серебрякова // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5. История и филология. – Ижевск, 2014. – Вып. 4. – С. 64-71. – 0,4 п.л.
30. Серебрякова Е. Г. Авторские стратегии в хрониках процессов над диссидентами / Е. Г. Серебрякова // Универсалии русской литературы. 6. – Воронеж, 2015. – С. 269-278. – 0,6 п.л.
31. Серебрякова Е. Г. Стратегия власти и А. Гинзбурга в «Деле Синявского и Даниэля» / Е. Г. Серебрякова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – Ижевск, 2015. – Т. 25, № 5. – С. 135-142. – 0,5 п. л.
32. Серебрякова Е. Г. Стратегия Фриды Вигдоровой в «Деле Бродского» / Е. Г. Серебрякова // Slavica. – Debrecen, 2015. – № XLIV. – С. 199-208. – 0,6 п.л.
33. Серебрякова Е. Г. Диссидентка в поисках самоидентичности (по литературно-публицистическому наследию Н. Горбаневской) / Е. Г. Серебрякова // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». – Ижевск, 2016. – Т. 26, № 3. – С. 38-45. – 0,5 п.л.

34. Серебрякова Е. Г. «Воронежский след» в «Белой книге по делу Синявского и Даниэля» / Е. Г. Серебрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Филология. Журналистика». – Воронеж, 2016. – № 4. – С. 59-63. – 0,3 п.л.
35. Серебрякова Е. Г. Мифопоэтика как элемент авторской стратегии в очерке Л. Богораз «Об одной поездке» / Е. Г. Серебрякова // Современные аспекты гуманитарного знания : материалы Международной заочной научно-практической конференции, г. Воронеж, ноябрь 2016 г. – Воронеж, 2016. – С. 25-30. – 0,4 п.л.
36. Серебрякова Е. Г. Мотив одиночества в литературно-публицистическом наследии диссидентов / Е. Г. Серебрякова // *Samotnosc-aspekty, konteksty, wymiary*. – Gdansk, 2016. – С. 152-160. – 0,5 п.л.
37. Серебрякова Е. Г. Романтические коннотации в самоидентификации советских нонконформистов 1960-1970-х годов / Е. Г. Серебрякова // Романтизм как вектор развития культуры : академический и музейный опыт : материалы Международной научно-практической конференции, Воронеж, 7-9 октября 2015 г. – Воронеж, 2016. – С. 109-115. – 0,4 п.л.
38. Серебрякова Е. Г. «Поступок» в самосознании и поведении советских нонконформистов в 1960-70-х годов / Е. Г. Серебрякова // Былое и мы : сборник статей. – Воронеж, 2017. – С. 108-118. – 0,7 п.л.
39. Серебрякова Е. Г. Способы литературной самоидентификации советских нонконформистов 1960-1970-х годов / Е. Г. Серебрякова // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». – Ижевск, 2017. – № 27, вып. 6. – С. 962-969. – 0,5 п.л.
40. Серебрякова Е. Г. Литературные образцы в поведенческой практике советских нонконформистов 1960-1970 годов / Е. Г. Серебрякова // *Magyar Tudományos Journal*. – Budapest, 2017. – № 3. – С. 23-28. – 0,4 п.л.
41. Серебрякова Е. Г. Поступок-символ в социальной практике советских диссидентов второй половины 1960-70-х годов / Е. Г. Серебрякова // Вопросы культурологии. – 2019. – № 5. – С. 21-26. – 0,3 п. л.
42. Серебрякова Е. Г. Трансформация поведенческой модели советских нонконформистов в петиционных кампаниях 1960-70-х годов / Е. Г. Серебрякова // Вопросы культурологии. – 2019. – № 7. – С. 37-43. – 0,4 п.л.
43. Серебрякова Е. Г. Норма социального поведения советских нонконформистов 1960-1970-х годов / Е. Г. Серебрякова // Универсалии русской литературы. 7 : сб. статей / науч. ред. : А. А. Фаустов, М. Фрайзе. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 338-344. – 0,5 п.л.
44. Серебрякова Е. Г. Проблема литературной и социальной идентичности писателя-нонконформиста Валерия Тарсиса / Е. Г. Серебрякова // *Rosja i pamięć o rzeczy: od emblematu do relikwii / pod red. Grzegorza Ojcewicza*. – Olsztynie : Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2019. – С. 149-165. – 1 п.л.
45. Серебрякова Е. Г. Автомифологизация как элемент литературного поведения советских нонконформистов 1960–1970-х годов // Универсалии русской литературы. 8 : сб. статей / науч. ред. : А. А. Фаустов, М. Фрайзе. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – С. 92-100. – 0,6 п.л.